

Вагим Фагин

ТУННЕЛЬ В КОНЦЕ СВЕТА

(По мотивам)

Впервые Даниил попал сюда нечаянно, когда самолет, в котором он летел, присел на военном аэродроме; пассажирам, выпущенным на твердую землю, не верилось, что их задержала буря: здесь, на краю земли, светило на чистом небе голое зимнее солнце, внизу стократ отраженное от ледяных граней, и океан был спокоен, как деревенский пруд. Пейзаж был невиданный: сверкающие льдины на зеркальной воде, а по другую сторону летного поля — угловатые, словно наколотые топориком из холодной глыбы, белые горы — как на полотнах Рокуэлла Кента, в свое время ошеломивших нашего студента: подобного искусства тогда еще не выдвали на советской земле. Потом ему уже не попадались такие полотна — и вдруг сейчас он воочию увидел удивительную натуру американского живописца: кристаллы гор, словно растущих прямо из воды, и ослепительные льдины. Неправдоподобные виды так и просились на пленку, их можно было бы снимать и снимать бесконечно, и Даниил клял себя за то, что не оставил фотокамеру при себе, а упаковал в недоступный теперь, запертый в багажном отсеке чемодан. Он даже готов был немедленно купить здесь другую, но на аэродроме не торговали не то что товарами для путешественников, но и ни газетами, ни чаем — ничем.

Когда Даниил прилетел сюда снова, уже нарочно, он был во всеоружии (аппарат болтался на шее) и лишь опасался, что бдительные солдаты пресекут его самостоятельность, едва он снимет крышку с объектива, — напрасно, потому что еще с прошлого раза знал от диспетчера, милой девушки в форме с погонами прапорщика, что стоит выйти за забор — можно фотографировать сколько душе угодно — и пейзажи, и собачьи упряжки, буде те прибегут, и даже заинтриговавший его (ему дали посмотреть в бинокль) спуск то ли в овощной склад, то ли в бомбоубежище; Даниил спросил, что там, и она сказала: туннель, он спросил, куда, и она шепнула на ухо: дальше. В его понимании дальше

было некуда, потому что аэродром назывался «Конец света» — название, придуманное явно для конспирации, но другого Даниил так и не услышал, не увидел (впрочем, не увидел и никакого, ни на какой стене), — и по законам природы и веры за означенным концом ничто не могло бы существовать для живущих на этом свете (он быстро сообразил, что за краем этого должен начинаться — тот).

В то, что здешняя местность и в самом деле, и у географов считалась краем земли, поверить было легко, потому что наверняка им были известны и другие края того же: мало ли где и кому вздумалось когда-то провести границу. Однажды Даниил слышал от бывалого человека, что португальцы определили на своем берегу точку, западнее которой нет в Европе, и там, стоит лишь, обойдя многозначительный крест, подойти к обрыву, как всякий поймет: вот он, конец земли, а впереди, хоть прогляди глаза, будет лишь океан, океан и ничего, кроме океана (Даниил возразил было, напомнив, что таким путем, хочешь или нет, а не минуешь Америки, но рассказчик только отмахнулся: Америка — это же миф).

До входа в туннель пришлось идти и идти, и пока Даниил туда добрался, не только успело зайти солнце, но и наступили поздние сумерки, и он уже не видел, а лишь угадывал впереди и внизу незапертые ворота. За ними тьма и вовсе сгустилась до предела, так что смешно стало представить себе, будто можно сделать еще темнее — на грамм, на градус, на полутон... что возможна еще какая-то степень (ступень) темноты. Если до сих пор он еще мог надеяться разглядеть случайную звездочку или светлячка, то с истечением вечера (по часам было будто бы не так поздно) потерялась уже всякая надежда.

Он долго думал, что все еще бредет по голой равнине (не дай Бог — по лесу, пересчитывая лбом стволы), по долине, пока несколько раз не притерся локтем к бетонной шершавой стене, поверив тогда еще и в потолок, присущий всякому коридору. Немедленно поправившись — туннелю, — он мимолетно обрадовался тому, что теперь можно бы ждать и банального света в конце — напрасно: коли он уже добрался до конца света, то что тут было надеяться на разрыв трубы, пролом в стене, лифт для инвалидов или пожарную лестницу? С другой стороны, не напрасно же построили этот ход... Зато напрасной могла стать нынешняя прогулка: Даниил скоро упал духом, не зная, чего ждать в конце пути: вступления в освещенные факелами сказочные чертоги, пошлого столкновения с заткнувшей

трубу глухой перегородкой или все же каких-то встреч. Соответственно не знал он и своей очередной цели без цели. Его вылазка была бы оправданной, когда бы затевалась ради спорта, однако для него такие цели не имели смысла; он не раз задавал самым разным людям один и тот же вопрос: что прибудет у человечества, если он, ставши футболистом, ловко закатит мяч мимо вратаря в чужие ворота? Или — если промажет? Или: а что прибудет, если он в одиночку влезет на гигантский осколок камня, торчащий где-то над облаками, чуть ли не в стратосфере, где уже нечем дышать? Потом, правда, будет что рассказать за столом.

Повернуть назад он не торопился, а задавал себе задачки: пройду еще пять минут — и посмотрю, нужно ли продолжать, потом — еще пять, потом — еще, и шел дальше, потому что не зря же потерял уже столько времени; вдобавок сам по себе обратный путь — долгий подъем — не привлекал его. Впереди он все-таки надеялся на что-то интересное — иначе почему девушка-прапорщица его не отговорила, а посоветовала: пойдите, посмотрите. Вот он и смотрел.

Давно уже не поступал он так безрассудно — нырнул, не зная дна, куда-то во тьму, рискуя или разбиться о близкие камни, или быть втянутым сильным течением в гиблое место, а если говорить проще, то просто влез в чужой подпол, а то и в нору, не ведая, не затаился ли в ее глубине зубастый хозяин.

Много такого может затаиться в темноте, перед чем любой из нас бессилён.

— Рыба-кит, — засмеялся Даниил, уже нервничая и понимая, что давно должен был бы идти под воду, и недоумевая: разве край земли — это одновременно не край воды?

— И что ни вообрази, — неизвестно для кого храбро произнес он через минуту, — а конец света — страшная должна быть вещь.

Страшная, по определению, но он не испугался же — просто за много бесполезных часов перелета не успел обдумать свои возможные приключения и не принял новой игры, в которой мировой катаклизм маскировали названием местности; в ней были свои тонкости, и Даниил заподозрил в самом существовании ненужного на первый взгляд туннеля что-то вроде отрицания конца.

— Бред, — уже негромко продолжил Даниил спустя еще минуту. — Существует ли конец света или только еще теряется где-то впереди, все равно, мне уже не вернуться назад.

Утешая себя, он спросил, уже в мыслях: «Да какой же может быть конец у шара?»

Тотчас неясно забрезжил и другой вопрос, нечто вроде «А был ли шар?», оттого что недавно ему попало в желтой печати предположение, будто Земля имеет форму вовсе не глобуса, а всего-навсего — таблетки. Теперь Даниил нашел, что будь наша планета и в самом деле плоской, ему открылись бы новые возможности: дойдя у конца света до кромки, он мог бы поднырнуть под нее и тогда уже пуститься в обратный путь по тому же диску, только теперь уже — будто бы вверх ногами, как муха — по потолку, скрытый ото всех оставшихся в старой стране чудес. Впрочем, стражи далеко бы его не пустили, а, выползая из-за сугробов, скрутили б и отволокли на заставу, чтобы потом неделями нудно допытываться, отчего он решил стать антиподом.

Зачем Даниил пустился в авантюру, сейчас он не сказал бы даже и сам себе, но не напрасно же его тянуло в заброшенный подземный ход чуть ли не пуще, нежели на натуру, с камерой в руках. Так длинен был пустой темный туннель, что Даниил усомнился, не ведет ли он на тот свет, не привел ли уже — могло случиться и так. В читанных прежде Даниилом рассказах тех, кто пережил клиническую смерть, всегда присутствовал туннель (со светом в конце, да ведь когда-нибудь и здесь включают какую-нибудь лампочку), выводящий к месту невероятных встреч; чтобы пережить такое, нужно было всего лишь умереть.

Тогда, если Даниил действительно умер, ему в конце концов (о, опять — в конце!) должны были бы повстречаться погибшая несколько лет назад жена, давно ушедшие предки, отставшие от них его близкие — и даже его собака. Для всего такого, понимал он, нужен был особенный свет, Даниил даже почувствовал, как тот изготавился затеплиться внутри... но лишь — внутри, не открывшись во внешнюю тьму.

К счастью, ни колдобины, ни бугры сплетенных корней, ни подлые ступени ему не досаждали, и он, немного привыкнув и уже не боясь упасть, шел, хотя и шаркая, но более или менее уверенно, зато каждый миг ждал лобового (в самом буквальном смысле) столкновения с поперечной стеной и не мог даже ненадолго опустить протянутую вперед руку. Устав так ее держать, он замечтал о каком-нибудь прутике и невольно то и дело поглядывал под ноги, не валяется ли — быть может, и валялся где-то, да поди его разгляди...

От темноты у него разболелась голова: так сильно он вглядывался.

Скоро он все-таки споткнулся — не о случайную неровность, а о свою же ногу — видимо, устал, если ноги стали заплетаться, — и выругался в сердцах. В ответ донеслось не эхо, а смешок.

— Неужели тут есть кто-то живой? Эй! Эй! — бросил он в темноту, и невидимая женщина ответила издалека, что — есть, пока.

— Не двигайтесь, пожалуйста, — попросил он: иначе было бы не догнать.

Так они и соединились: он что-то коротко восклицал, одну гласную («Э!»), женщина отвечала не длиннее («Я!»), отчего Даниил сумел вообразить, будто нашел что-то вроде опоры в пространстве. Иными словами, их переключка оказалась не лишена содержания.

Наконец женщина остановила его рукою.

— Далеко же вы зашли, — услышал он и почувствовал, как кровь отливает от лица (находись он в другом месте, сказал бы: потемнело в глазах); наверно, еще немного — и он упал бы. Поначалу он даже не разобрал, о чем говорит женщина — так странен был ее голос: такой же или этот самый когда-то принадлежал Лоре, его погибшей жене. «Уж не умер ли я, на самом-то деле? — серьезно спросил он себя. — Вот и этот туннель... И Лора вышла встречать...»

Постепенно до него все-таки дошел нехитрый смысл слов женщины, и он объяснил:

— Дорога — как началась, так и запятую поставить негде... Но вы-то как? Без фонаря...

— Не на что светить: иди да иди. У меня есть пруттик.

— А не страшно? Одной?... Интересные, однако, пошли нынче девичьи прогулки.

Она фыркнула:

— Девичьи!..

— Виноват. Да на свету уточним, надеюсь, — пробормотал он. — Хотя... любой слепец разобрался бы на ощупь.

— Попробуйте и вы, — подумав, предложила она.

— Забавно. Это что-то новое.

Даниилу еще не приходилось начинать знакомство с женщиной с ее ощупывания — да он просто не смел прикасаться к чужим лицам. Сейчас же темнота позволяла многое; прежде чем приступить, он успел вообразить нежность девичьей кожи и ее тепло, и влажность

губ... «Заодно сразу можно будет и поцеловать», — предположил он, возбуждаясь и одновременно рисуя себе страшную картину завтрашнего пробуждения рядом со страшилищем.

В одном фантазия не подвела его: женская щека оказалась свежей, ароматной и («О Боже, разве я научился узнавать возраст по запаху?») все-таки не юной, зато черты лица так ему и не открылись, и он даже и через минуту, наверно, появившись рядом еще одна женщина, не различил бы их; пожалуй, только Лору он бы узнал и на ощупь, и на запах, вкус и слух, а пока же смел бы утверждать то лишь, что эта женщина, с ее узким носом и сочными, но скромной величины губами, не может быть негритяжкой — мысль об уподоблении чернокожей пришла Даниилу неизбежно — оттого, что и он, и никто не разглядели бы ее на здешнем фоне.

Опуская руку, он не преминул коснуться — легко, вскользь, словно невзначай — ее выпуклостей, узнав все, что позволила плотная одежда. Черт же лица Даниил попросту не понял, они выглядели, как у всех (только с Лорой он бы ее все-таки не спутал, не сравнил бы), и больше сравнивать было не с кем; ему пришлось признаться, что нет, не постиг (чуть было не сказал «не расщупал») лица, и женщина простила: еще будет случай.

Она, поворачиваясь, случайно задела Даниила рюкзаком, в котором лежало что-то жесткое, с углами, и тогда объяснила: туфли, а потом добавила: книга, но он не стал спрашивать, какая, все равно ответ не имел значения, и вместо этого сказал, будто извиняясь:

- Эта темнота...
- Но — вечер...
- Это лишь догадки.
- Можно не заметить дождя.

Даниил всполошился:

- Разве тут нет потолка? Я думал, мы в трубе. А — море?
- Никогда не знаешь, откуда капнет.
- И — кто. И всегда капают — на меня.
- Я даже подозреваю аварию.

Даниил сразу вспомнил старую шутку: конец света — это авария на электростанции; здесь она, однако, прозвучала бы пошло.

Женщина продолжила, объясняя:

- Раньше тут кое-где попадались лампочки. Как бакены на реке.
- Но голос! Это не ваш голос! Вы... Вы кто?

Он хотел только узнать ее имя («Только бы — не Лора») и загадал возможные ответы — Валя, Зина, Нина, хотя в его сюжете годилась только Алиса, — и она ответила: Нина.

— Как славно, — похвалил он себя за догадку. — Выходит, вы здесь не впервой?

— Пару раз проходила.

— И знаете, куда идти? Ну да, вперед, я понимаю, но — зачем? Там что-нибудь покажут? Там наконец рассветет?

— Не то время: скорее, стемнеет. А что вы хотели увидеть?

— Хотел — все. Но теперь уже — вас.

Нина пробормотала:

— Делать вам нечего.

— От нечего делать как раз и происходят самые серьезные вещи. Но вот что: разве сюда спускаются — по делу?

— Для моциона, — отрезала она, и Даниил с неудовольствием вообразил свою обратную дорогу: в гору да в гору — нагуливать аппетит. «И кстати, — сказал он себе, — нелишне было бы перекусить. И как это я оплошал? Что стоило сунуть в карман бутерброд?» Мысль о еде опечалила его, движущегося уже непонятно в какую сторону (после того, как в роли незрячего покрутился вокруг женщины); теперь его беспокоило несколько иное — предстоящий ночлег: он уже сомневался, вернется ли до ночи в гостиницу. При этом он не был уверен, что ночь еще не наступила: в туннеле он потерял представление не только о пространстве, но и о времени, словно оно могло идти, лишь если хозяин часов видел, куда.

— Да и какое может быть дело? — рассуждал он вслух. — Военный городок — этим все сказано: чем особенным могут в нем заняться женщины?

Спутница словно не слушала, а он и не ждал ответа: внимание обоих было направлено более на то, чтобы не оступиться, чем на беседу, и хотя движение по ровному полу было само по себе нетрудным, оба запыхались.

Так они и шли дальше молча, не зная, как еще долго, и не зная (он), куда, пока вдруг не возник впереди синенький огонек — казалось, близко, но Даниил не поддался обману: синие огни всегда мерещились ему висящими в воздухе ближе, чем соседние им красные, зеленые, желтые.

На фонарик идти стало легче.

Огонек оказался совсем крохотным, не лампочкой даже, а светодиодиком, какие можно увидеть на панелях ноутбуков, и все же с расстояния нескольких шагов он слепил совсем, как фара автомобиля, подъехавшего в упор, так что Даниил не мог разглядеть, на чем тот укреплен. Женщина дотронулась до огонька — это была кнопка, — и щелкнул замок. Старомодно певучая дверь впустила их в узкую, прочь от входящего, скромно (а сразу показалось — чрезмерно) освещенную казенную комнату, в дальней стене которой была крашенная серым дверь с такой же, как в иных музеях, табличкой «Продолжение осмотра», а вдоль длинной стены стояли два письменных стола. Свет от настольных ламп с глухими колпаками тратился на небрежно разбросанные бумаги, только оттуда уже попадая на все остальное. Даниил, однако, смотрел не на обстановку, а на свою спутницу, вовсе не чернокожую, как он глупо продолжал называть ее про себя, а не просто белолицую, но такую бледную — ни кровинки, — словно она прожила в туннеле много лет, вовсе не видя солнца.

«Вывести б ее отсюда навсегда, — захотел он. — Там солнце отражается ото льда, и она быстренько загорит». Лицо ж ее... Нет, она не была красавицей, но непросто было отвести взгляд от этой темноволосой, с голубыми глазами и некрупными чертами (разве что лишь прямой, изящный носик казался чуть-чуть длинноватым) — настолько будто бы чистой и наивной не слишком молодой женщины, что Даниил угадал в ней нечто порочное.

В помещении было жарко, и Нина, ловко дав куртке соскользнуть с плеч, осталась в открытом — очень открытом, открывающем плечи, словно бальном, — темном платье; в ее рюкзаке нашлись и легкие босоножки на шпильках, и Даниил с удовольствием (она ухитрилась даже снять колготки, юркнув за конторский шкаф) следил, как ловко она в них впадает.

— Мы что, здесь надолго? — озадаченно проговорил он, но не получил ответа, потому что сзади (разве из того же туннеля?) подошли два пограничника.

Они обрадовались Нине, как близкой знакомой, и только поинтересовались, отчего пришла она, а не Гелла.

Услышав новое имя, Даниил оживился:

— Гелла? Рыжая красавица?

— Серая, — поправила Нина, — а насчет красоты лучше помалкивать. Фельдфебель Гелла!

Пограничники, которые, пока стояли рядом, казались Даниилу на одно лицо, разошлись по местам, за столы, став и вовсе одинаковыми; Даниила пригласили присесть подле. Один из служивых, выбрав из разбросанных бумажек чистую, приготовился записывать: имя, фамилия, год рождения...

- К чему это? — воспротивился Даниил. — Лучше я пойду обратно.
- Сейчас-то вы пришли — сюда.
- Прогуляться. Моцион.
- Не та дорожка, не та. Правда, на вкус и на цвет товарищей нет.
- Мои причуды — это я.
- Не понял. Семейное положение?
- Разведен. С женой я бы сюда не полетел. А в чем, собственно, дело?
- Происхождение?
- Из рабочих и крестьян, — смело солгал Даниил.
- А сейчас?
- А сейчас — с самолета.
- Летать не боитесь?

«Вежливые все же люди, а ведь простые солдаты: все на “вы” да на “вы”», — заметил Даниил и ответил пограничнику:

- Висельник не утонет.
- Это не ответ. Иной утонет, а на виселицу как раз опоздает. Так вот... Место жительства?

Даниил назвал.

- Не лень было сюда пробираться? Неспроста ведь прилетели, а? О своем желании поснимать природу Даниил разумно умолчал.
- Читать, писать обучены?
- Неужели вам тут и безграмотные попадают? Хотите, я всех обучу?

— Проголодались?

— Хороший вопрос, только не пишите в протокол: сейчас время ужина, — сказал он не очень уверенно, припоминая известную историю, приключившуюся однажды с барышней, угодившей (как и он?) в нору и там что-то или съевшей или выпившей; последствия были непредсказуемы.

Сам он не искал приключений.

— Неприлично отказываться от угощения, — попеняли ему.

Нина уже накрыла стол: скатерка, колечко колбасы, две бутылки питьевого спирта... Ее поторопили:

— Начнем, пока Геллы нет?

— Этак, думаешь, тебе достанется больше?

— А ты не знала? Мне всегда от нее достается, — пожаловался солдат, разливая на троих.

— В четыре стакана, — поправила Нина и, дождавшись, пока он закончит дело, провозгласила: — За Конец света!

— Смело сказано, — заметил Даниил. — Как бы кто не понял неверно... А все ж я — достиг.

— Но не приложили к протоколу завещание, — остудил его пограничник. — Хоть записочку.

— Вдруг я грамоте не знаю?

— Не дерзите. Допрос не окончен. Образование?

— Выше некуда. Повторяетесь, однако: за ваш конец уже выпили.

— Повторим, в самом деле...

— ...и в путь, — сказала Нина Даниилу.

— Не стоит засиживаться, — согласился он, недоумевая: неужели и она пойдет дальше? Больше того: неужели пойдет он сам?

«И стоило ей переобуваться?..»

Даниила уже торопили, а он все не мог допить свой стакан. К таким порциям — сразу по полбутылки — его приучили было в юности, но позже это умение сошло на нет, да у него дома давно не водилось граненых стаканов, а только рюмки да фужеры. Теперь, с отвычки, он, едва привстав, обнаружил, что неловко кружится на месте. Ему пришлось вцепиться в край стола. Обнаружив, что на него смотрят, Даниил попытался загладить неловкость шуткой, но, хотя чужие слова слышал ясно, разобрать свои, вылетевшие горсткой, не сумел.

Нина, рассмеявшись, махнула рукой:

— Пусть посидит часок. Не то еще потеряете его по дороге.

Слышал он эти слова или нет, но через час вдруг проснулся сам и громко произнес:

— Так кто из нас засиживается? Я уж и выспаться успел, а ведь пришел сюда не для того.

— Для чего — это мы разберемся, не стоит вам волноваться, — заверил пограничник. — Ну а если вы уже отдохнули, то — вперед.

Они трое, и слова не сказав женщине, ушли как-то неловко, гуськом: один солдат впереди, второй — позади Даниила. Передний открыл висячий замок на двери, обещавшей дальнейший осмотр чего-то, и все трое оказались в помещении, похожем на подземный гараж: потолок

поддерживали массивные бетонные столбы, а пространство между ними занимали в беспорядке фанерные ящики высотой в человеческий рост. На первом же плане, сразу за дверью, стояла электрическая тележка, какие обычно используются в заводских цехах.

— Залезайте,— предложил солдат.

Даниил поспешил вскарабкаться на платформу, даже не думая, что запачкает джинсы.

Свет между тем кто-то выключил, и электрокар осторожно покати́л при свете своей немо́щной фары, позволявшем разве что не наткнуться на очередной ящик; объезжая их, тележка так беспорядочно металась то вправо, то влево, а то и, возможно, возвращалась назад, что Даниил скоро потерял представление о частях света и облегченно вздохнул, когда она наконец выбралась на чистое место. Это снова был туннель.

Даниилу отчаянно хотелось пить, но он молчал, зная, что от первого же глотка воды оживет давешний спирт, а тогда, и в самом деле, не свалиться бы ему на ходу; он предпочел трястись на холодной стальной платформе, вглядываясь в пространство, не освещенное фарой: не потому не освещенное, что лампа была слаба, а потому, что не нашлось, что освещать — первый же попавшийся предмет как раз и осветился бы. «Выключи этот фонарь — и ехать будет не хуже», — решил Даниил, расхрабренный после своего перехода в полной темноте.

Моторчик подвывал, колеса подрагивали, отсчитывая бесконечные швы дорожного покрытия, и Даниил сонно загадывал, что ждет его впереди: выход на американский берег, рыцарский зал с мечами и чадящими факелами на стенах, очередная конторская комната с водонагревателем у входа или стеклянная стена, за которой плавают морские чудища.

Долгий путь закончился всего-навсего перегородкой (на которую опасался наткнуться, пока шел пешком); теперь, видимая, она была не страшна, тем более, что была прорезана двустворчатой дверью, через которую его и провез ленивый электрический экипаж и которая вела на волю: на снег и ночное небо.

— Бог мой! — в изумлении вскричал Даниил. — Да в том же месте я и вошел!

Это и в самом деле было то самое место. Настала ночь, и Даниил увидел звезды (и возжелал полярного сияния), и огни аэродрома,

и внезапно зажегшиеся фары стоявшей неподалеку машины; они высветили целую группу встречающих. Старший из них, с погонами майора, подойдя вплотную, поинтересовался именем нашего путешественника и, глядя в счастливое лицо Даниила, произнес знаменитое слово:

— Пройдемте!

